

– Де-е-ед!

Девочка лет пяти в голубеньком пла-
тице стремглав бежала навстречу пожи-
лому мужчине. Светлые кудряшки распле-
скались по её плечам.

Тот поставил на асфальт большую до-
рожную сумку, наклонился вперёд и широ-
ко раскинул в стороны руки, ожидая под-
бегавшую внучку. Девочка сходу влетела
в его объятия, руки крепко обхватили её,
и она изо всех своих силёнок прижалась к
старику, обняв его за шею.

Сергей Николаевич пару часов назад
сошёл с поезда Владивосток – Н-ск. Три
месяца морской практики с курсантами
остались позади, и все они благополучно
вернулись сегодня в родной город.

– Ты когда приехал, дед?

– Только что. Дай-ка, внученька, дед
тебя к сердцу прижмёт. Как у тебя дела?

– Хорошо... А что ты мне привёз? Папа
говорил, что ты обязательно привезёшь
мне что-нибудь. Ты привёз?– щебетала
внучка на руках у деда.

– А как ты думаешь, Катя?

– Я думаю, что да. Что привёз.

– Ты угадала.

– А маме и папе ты тоже привёз что-
нибудь?

– Привёз.

– А бабушке и дяде Максиму?

– И им тоже.

– А что ты привёз мне?– нетерпение
билося в её глазах.

– Дед привёз тебе несколько подарков.

– Несколько?– глаза её распахнулись
от радостного удивления.

– Ну, в магазинах разных портов у меня
получилось купить для тебя разные вещи.

– Какие?

– А вот придём домой, и там посмо-
тришь.

Дед вдруг понизил голос и перешёл на
таинственный шёпот:

– Но среди твоих подарков один – осо-
бенный.

– Какой, особенный?– спросила девоч-
ка с придыханием.

– Помнишь, перед отъездом ты дала
мне с собою в дорогу маленькую куколку,
Снежану.

– Помню.

– Так вот, Снежана возвращается к
тебе из далёкого путешествия не одна, а с
подружкой. Её подругу зовут Миоко.

– Какое странное имя...

– Так ведь Миоко приехала из Японии,
она – японка. И у неё есть своя история,
очень интересная. Эту историю я привёз
тебе вместе с куклой и как-нибудь рас-
скажу.

– А когда расскажешь?

— Сегодня вечером, когда все гости наговорятся и разойдутся по домам. Тогда мы с тобою пойдём на кухню, зажжём светильник, сделаем себе «прихлёбывательного» чаю, тихонько усядемся, и я всё подробно тебе расскажу.

— Ладно. А ту куколку мы возьмём с собою на кухню?

— Обязательно. Потерпишь до вечера?

— Потерплю.

— Дед, ну, что ты такое говоришь!— с укором в голосе произнесла девочка.— Ведь я — уже не маленькая. Куклы не разговаривают!

Вечер встречи закончился. Родственники, наслушавшись рассказов и получив привезённые им подарки, разошлись. Темнело. За столом на кухне сидели Сергей Николаевич и его внучка, Катя. На столе перед ними лежали две небольшие куколки; у одной из них волосы были светлыми, у другой — как вороново крыло.

— Так ты полагаешь, они не разговаривают?— спросил он и взял кукол в руки.

— Конечно. Интересно, дед, кто из нас, двоих — взрослый?

Старик попытался скрыть улыбку.

— Ну, внученька, кое в чём ты права, пожалуй. По правде говоря, очень многие думают точно так же, как ты; а думают так они только потому, что просто не умеют разговаривать с куклами. Но всё дело в том, Катя, что есть на свете ещё и такие люди, которые это умеют.

— Умеют разговаривать с куклами?

— Да.

— Правда?— с широко раскрытыми от изумления глазами тихо произнесла девочка. Она внимательно смотрела на своего деда — может быть, он шутит? Но старик даже не улыбался.

— Правда. И я, внученька, знаю такого человека.

— Знаешь?

Васильковые глаза девочки распахнулись навстречу этой волшебной тайне, от которой захватывало дух. Оказывается, с куклами можно поговорить!

— Да.

Дед отвечал спокойно и совершенно серьёзно.

— А кто это?

Сергей Николаевич отчего-то наклонился вперёд, ближе ко внучке, и начал говорить совсем тихо, почти шёпотом:

— Этот человек — я.

— Ты-ы-ы?— девочка тоже перешла на шёпот. Удивлению её не было предела.

— Да я, Катя. Твой дед знает, как нужно разговаривать с куклами.

— Как?— тихо произнесла она на выдохе.

Старый моряк откинулся на спинку сту-

ла и заговорил своим обычным голосом:

— Для этого нужно выполнять некоторые правила.

— Какие?

— Сами куклы слышат всех людей, но не со всеми вступают в разговор.

— А с кем они вступают?

— Ну, во-первых, они будут говорить только с теми людьми, кто хорошо умеет играть. Ты помнишь, внученька, как славно мы с тобою играли с куклами? Какие замки мы им строили, какие дороги для них прокладывали? Как защищали твоих кукол от нападения врагов?

— Помню, дед.

— Во-вторых, эти маленькие создания будут вести дела только с теми, кто не бьёт их и не ломает, кто не рвёт им платье и не режет ножницами причёски. С теми, кто любит их и относится к ним уважительно.

— Дед, я никогда не была кукол... а платье ей порезала нечаянно...— отчего-то вдруг смутившись и покраснев, как маков цвет, горячо зашептала внучка.

— Ну что же, тогда, быть может, они будут общаться и с тобою.

— И со мною... А когда они начнут общаться?

— Не знаю... Как представится удобный случай для этого. Вообще-то чаще всего куклы говорят с людьми вечером, когда дневной шум уже утих. Представь себе, Катя: в это самое время солнечный свет постепенно меркнет, и в комнату начинают пробираться сумерки... Вот тогда никто и ничто постороннее не мешает им; голосок-то у них тихий, негромкий. Из всего кукольного племени, пожалуй, один лишь Буратино умел громко кричать.

— Дед, и о чём же говорила тогда с тобою Снежана?

Седой мужчина аккуратно поставил обеих кукол рядышком на столе и внимательно посмотрел на внучку:

— Ну, что, Катя? Я могу начинать рассказывать эту историю?

— Начинай.

Девочка покрутилась немного на диванчике, устраиваясь поудобнее, подпёрла голову ладошкой и вся превратилась в слух. Сергей Николаевич сделал хороший глоток чаю, поставил бокал на стол и начал свой рассказ.

— Ну, слушай.

Твоя куколка, Катя, оказалась очень смыслёной и решительной девочкой. В тот раз, когда она заговорила со мною впервые, мы стояли под погрузкой в порту Находка. Я порядком устал тогда, день у меня выдался трудным и хлопотным. На пароходе все уже спали, готовился ко сну и я...

Солнце уже почти коснулось к закату, постепенно становилось всё темнее, но света я ещё не зажигал, и в моей каюте стоял полумрак.

И вдруг до меня долетел тоненький, тихий голосок:

– Дед, а дед!

Сначала я подумал, что ослышался, и не обратил на это никакого внимания. Мало ли что бывает. Звуки ведь иной раз можно и перепутать.

Но голос повторился опять:

– Де-е-ед.

Я включил свет и внимательно огляделся – в каюте кроме меня никого не было. Во всяком случае, я никого не смог обнаружить. Потом я выглянул в коридор – никого не было и в коридоре. По случаю жаркой погоды иллюминатор у меня был открыт, я выглянул через него наружу – и на палубе никого. Так кто же меня зовёт? Я даже заглянул под стол, но и там никого не увидел.

В этом месте рассказа Катя тихонько засмеялась, прикрыв рот ладошкой и боясь помешать деду. Сергей Николаевич тоже улыбнулся и продолжал рассказывать далее.

И вот тут-то я обратил внимание на твою куколку, она всегда сидела у меня в небольшой корзиночке для мелочей, которая была прикреплена над столом. Ну, так и есть! Совершенно точно! Это же она звала меня. Кукла встала на ноги и махала мне своей маленькой ручкой, держась другою за край корзинки.

– Дед, ты слышишь меня?– опять раздался тоненький голосок.

– Да, слышу.

– Вот и хорошо. Едва докричалась. Какие всё-таки невнимательные эти большие люди. Ну, да ладно... Вытащи меня отсюда, пожалуйста.

Я осторожно вынул её из корзинки и поставил на стол.

Она, как самая настоящая женщина, сначала поправила причёску, отряхнула и расправила платьице. Затем малютка немного походила, разминая ножки, и вновь обратилась ко мне:

– Дед, раз уж мы с тобою оказались на этом корабле, нам нужно кое-что обсудить.

Удивлению моему не было предела, но виду я не подал.

– Я слушаю тебя, Снежана.

– Вот-вот, именно об этом я и хотела поговорить. Дед, я думаю, что мне надо сменить своё имя.

– Сменить имя? Но почему? Разве тебе не нравится прежнее – Снежана? По моему очень даже красивое имя.

В её голосе послышались нотки нетерпения:

– Ну, как ты не понимаешь, дед? Ведь сейчас я нахожусь на морском пароходе...

– Да.

– Пароход стоит в порту и собирается уплывать в море?

– Да.

– Вокруг меня все – моряки?

– Да.

– Ну, так значит, меня нужно называть Мариной!

Внучка подняла на деда удивлённые глаза, молча прося разъяснений.

Старик ответил на этот немой вопрос:

– Она, Катя, безусловно, была права.

Во всяком случае, в её словах имелся определённый смысл – ведь имя Марина означает «морская». Умная у тебя Снежана!

Девочка улыбнулась, довольная, взяла на руки свою светловолосую куколку, заботливо оправила ей платьице и погладила свою «дочку» по голове.

Сергей Николаевич рассказывал далее.

– Хорошо,– согласился я.– Марина, так Марина. Не возражаю. Но теперь и я тоже хочу спросить тебя: почему ты называешь меня дедом?

– А как же мне тебя ещё называть? Так к тебе всегда обращается Катя, моя хозяйка. Так тебя буду звать и я.

– Ну, ладно, зови. Как тебе живётся на пароходе, ...Марина? Ты уже привыкла к новой обстановке?

– Всё хорошо, привыкла. Сегодня, пока вы все были заняты и ни на что вокруг не обращали внимания, мне даже удалось сходить на причал.

– Ты одна сходилась с судна на берег?

– Да. А что ты так волнуешься?

– Но ведь тебя могли увидеть!

– Ну, уж нет! Большие люди очень внимательны, и редко когда смотрят себе под ноги. Они вообще многого не замечают вокруг. Они даже не видят, как растёт трава! Они никогда не смотрят на звёзды! Они не наблюдают за полётом птиц и бабочек. Мне жаль больших людей, они не видят очень многих вещей и не знают столько интересного в жизни.

– На тебя могли наступить, когда ты шла по трапу.

– Не бойся за меня, дед. Я спустилась на причал не по трапу, а по натянутому канату. Меня никто не заметил.

– Да ведь ты могла упасть в воду!

Марина гордо вскинула вверх свою маленькую умную головку:

– Нет, я не упала, как видишь. Я ловкая и сильная. И потом, нам, куклам, всегда помогает кукольное волшебство. Не забывая об этом, пожалуйся.

– Ну, ладно. Ладно. Хорошо. Пусть так. Во всяком случае, ты цела. И что же ты смогла увидеть на берегу?

– О, дед! Как много там интересного! Когда я жила у своей хозяйки Кати, мне было очень хорошо и спокойно, но я никогда не видела ничего подобного. На причале лежат целые горы брёвен, а между ними очень интересно прятаться. Там проложены рельсы, по которым ездят поезда и огромные краны. Поезда привозят эти брёвна и многие другие товары, а краны всё это перегружают на пароходы. А ещё я познакомилась там со старой умной собакой. Её зовут Пальмой. Она очень давно живёт здесь и сторожит территорию порта. Ты не представляешь себе, как много интересных историй знает эта собака!

– И что же это за истории?

– Ну, она рассказала мне про одного смелого и верного пса. Когда-то его совсем маленьким щенком принесли на большой портовый буксир, и он жил на этом пароходе. Моряки ведь довольно часто держат на кораблях собак, потому что с животными в море всё-таки веселее. Они кормят их и ухаживают за ними. Про это даже в книжках написано.

Щенку дали имя Боцман. Он очень любил свой буксир и матросов с него. Матросы тоже любили Боцмана; они его хорошо кормили, иногда баловали кусочками сахара и даже немного дрессировали. Прошло время, этот пёс вырос и превратился в весёлую собаку с красивой чёрной шерстью. И вот однажды буксир дали

задание – срочно уплыть в море, а пёс в это время убежал прогуляться. Скучно ведь день за днём бегать только по железной палубе. Так что все корабельные собаки иногда уходят на берег пожевать травы, понюхать цветов или просто побегать по земле.

Так вот, буксиру пора уже было уходить, а Боцмана всё ещё не было. Моряки очень переживали за него и волновались, они не хотели, чтобы пёс потерялся. А время поджимало. Тогда они стали свистеть особым свистом, которым всякий раз подзывали своего любимца. Пёс хорошо знал этот свист, но всё не возвращался; наверное, Боцман в тот раз убежал слишком далеко и не слышал, как его зовут.

Капитан посмотрел на часы и сказал, что уже пора, что ждать больше они не могут, и пароход отошёл от причала.

И тут из-за штабеля досок показался пёс. Он бежал во весь опор. На бегу он громко лаял, как будто просил моряков не уплыть и подождать его, как будто извинялся за своё опоздание. Но буксир уже отошёл от причала на довольно большое расстояние, и теперь никак не мог вернуться за собакой – на это место подходил швартоваться большой грузовой пароход. Пёс бегал по причалу и отчаянно лаял, моряки видели его, кричали ему: «Боцман! Боцман!» – но ничего не могли поделать.

И тогда Боцман не выдержал и прыгнул в воду. Отважный пёс не испугался ни высоты причала, ни большого расстояния. Он видел только то, что буксир уходит без него, и не смог оставаться на берегу. Он поплыл за своим буксиром. Но плыть долго пёс, конечно же, не смог бы, ведь море не переплывёшь! Через какое-то время силы его закончились бы, и он должен был утонуть. Все это понимали. Всем было жалко собаку. Все удивились его верности. Казалось, что Боцмана уже не спасти.

И тогда два капитана, не сговариваясь, сделали то, что на их месте сделал бы любой настоящий моряк. Капитан большого парохода застопорил машины, и его судно остановилось. А капитан буксира перевёл свои машины на задний ход, и буксир медленно и осторожно начал пятиться назад и подошёл к плавающей в воде собаке. Моряки тут же спустили с борта верёвочную лестницу – морской штормовой трап. По нему к воде спустился настоящий корабельный боцман; он крепко ухватил пса за загривок и вытащил его на палубу. Собака отряхнулась от воды и начала махать хвостом, лаять и прыгать от радости. А матросы смеялись, гладили его и дали Боцману его любимый сахар.

После этого буксир развернулся и по-

шёл в свой рейс. А вдгонку ему приветливо погудел большой пароход.

Вот такая история, дед,— закончила свой рассказ куколка.

Мы ещё немного поговорили в тот вечер с Мариной и улеглись спать. Я устроил ей удобную кровать из картонной коробочки.

Ну, а через два дня наше судно загрузилось полностью и наконец-то отчалило — начался рейс на Японию.

На переходе до первого порта Тоямашинко нас прихватил небольшой шторм. Честно говоря, Катя, я немного побаивался, как Марина перенесёт первое в своей кукольной жизни морское путешествие. Ведь многие люди страдают от качки — у них болит голова и бывают другие неприятности. Это называется морской болезнью. Но куколка показала себя только с лучшей стороны — она не укачивалась.

Правда, за нею нужен был глаз да глаз — твоя воспитанница оказалась не только умной, но ещё и очень шустрой девочкой. И хотя мы сразу условились с нею о том, что она никуда не будет убежать без спросу, мне довольно часто приходилось разыскивать Марину по всему теплоходу. Для этой бесстрашной куколки не существовало высоких или недоступных мест, она ничего не боялась и могла забраться куда угодно. Только в машинное отделение она не спускалась никогда. Там гремели дизеля и моторы, и это ей никогда не нравилось.

Более других мест Марине нравилась спасательная шлюпка, что была расположена рядом с нашей каютой. Она очень любила сидеть в ней, и именно там чаще всего и можно было найти эту маленькую проказницу. Она во все глаза смотрела из шлюпки на море и волны, на пролетавших в небе чаек и проплывавших рядом с бортом судна дельфинов. До неё иногда долетали солёные брызги, но куколка не обращала на них никакого внимания. Солнце согрело её и светило ей. В такие минуты тёплый морской ветер обдувал и шевелил светлые кудряшки Марины. Со своего наблюдательного пункта она могла видеть всё, а её там не замечал никто.

Но вот переход закончился, и мы прибыли в японский порт Тоямашинко. Сразу подъехали краны, пришли грузчики, и началась разгрузка теплохода. А я в это время несколько раз сходил с курсантами на берег. Мы побродили по узким припортовым улочкам, посмотрели, как живут японцы, зашли в некоторые магазины. Нам даже удалось сходить на городской пляж и искупаться в Японском море. Мои ребята были очень довольны.

Обо всём этом я рассказывал Марине,

ей было очень интересно. А иногда я брал её с собою — когда ходил прогуляться один. Она крутила головой во все стороны, восторгалась увиденным и всё норовила перелезть из кармана мне на плечо. Так лучше будет видно, говорила она.

И вот однажды вечером твоя куколка, Катя, обратилась ко мне:

— Дед, а дед.

— Слушаю тебя, Марина.

— Ты знаешь что-нибудь о магазине, который называют «Стоиенник»?

— Да, знаю. Он находится недалеко от порта.

— А почему у него такое странное название?

— Потому что все его товары стоят 100 иен.

— Все-все?

— Ну, почти все. Сто иен примерно равны 1 доллару — так проще рассчитываться. Этот магазин предназначен специально для моряков.

— Нам срочно нужно сходить туда. И ты обязательно должен взять меня с собою. Срочно!

— А что за спешка?

— Сегодня днём, когда ты занимался с курсантами, я случайно услышала разговор двух цикад. Они сидели на палубном фонаре, напротив нашего иллюминатора и говорили как раз об этом магазине. Одна из них недавно залетела туда, внутрь, и немного там полетала, посмотрела полки с товарами. Цикады ведь ужасно любопытны от природы.

Я не мог скрыть своего удивления:

— Марина, ты хочешь сказать мне, что понимаешь язык цикад?

— Конечно. Дед, мы, куклы, понимаем язык всех животных и птиц. Мы ведь — не люди. Куклы это могут.

— Ну и ну! Я этого не знал.

— Так вот, в том магазине цикада увидела маленькую, моего примерно роста, куколку. Её зовут Миоко. Эта бедная девочка лежит на полке и всё время плачет.

— Отчего же она плачет?

— Она плачет от страха. Дед, она очень боится тех кукол, что лежат рядом с нею. Там, на полке выставлены для продажи всякие драконы, чудовища и злые солдаты. Вот и представь себе: она, добрая и хорошая девочка — да в таком окружении! Они нарочно пугают Миоко, щиплют и толкают её. Эти чудовища говорят, что и её хотят сделать такой же — злой и безобразной. Конечно, ей там страшно. Дед её нужно спасти!

— И как же мы её спасём?

— Я уже всё обдумала. Давай выкупим Миоко из того магазина! Она станет моей подружкой, а Катя обрадуется новой куколке.

– Да-да, конечно. Обязательно нужно помочь бедной девочке. Тут не о чем даже и раздумывать. Я завтра же пойду в «Стояничник» и выкуплю Миоко.

Марина ненадолго замолчала, а потом протянула с обидой и недоумением в голосе:

– Де-е-д...

– Что?

– А как же я?

– Что – ты?

– Я тоже хочу пойти с тобой спасать Миоко.

– Тебя я взять не могу.

– Почему?

– Потому что я не знаю японского языка и не смогу объяснить продавцам, что принёс тебя с собой, и что мы ищем несчастную куколку по имени Миоко. Куда я тебя дену в магазине?

– Дед, я обдумала и это. Ты спрячешь меня в свой карман, и я буду сидеть там тихо-тихо, как мышка.

– Марина, ты не умеешь сидеть тихо...

– Дед, ну, пожалуйста! Я тебя очень прошу. Я буду стараться изо всех сил! Мне очень хочется спасти несчастную Миоко. Возьми меня с собой!

– Ну, ладно. Что мне с тобой делать, стрекоза! Только ты будешь во всём меня слушаться и не станешь выглядывать наружу до тех пор, пока я не разрешу тебе.

– Конечно! Конечно! Я согласна. Спасибо, дедулечка!

Так она меня ещё никогда не называла, и я улыбнулся столь бурному проявлению чувств этой непоседы. На следующий день, Катя, мы отправились выкупать Миоко.

По дороге Марина всё норовила выглядывать из кармана и посмотреть вокруг.

– Дед, ну мы ведь ещё не пришли, от продавцов ещё не надо прятаться. А мне всё так интересно. Я ведь никогда не бывала в Японии.

И Марина опять крутила головой во все стороны, разглядывая улицы, дома, машины, залив с небольшой речкой и плававших в ней птиц. Однако перед самым входом в магазин она, как мы и договаривались, залезла на самое дно кармана моей рубашки и замерла там, будто неживая. Без каких-либо проблем мы вошли с нею в магазин. Прежде я уже бывал здесь несколько раз, поэтому примерно знал, где находятся полки с детскими товарами.

И совершенно верно, Катя, игрушки-то там лежали действительно страшные: чудовища – наполовину люди, наполовину какие-то диковинные звери. Пауки, драконы... Лица их были искажены злобой и ненавистью. С первого раза это как-то не бросилось мне в глаза, а в тот день я подумал: «Как же такие игрушки можно про-

давать детям? И какие родители покупают такие ужасы своим сыновьям и дочкам?»

Но тут из кармана подала голос Марина:

– Дед, ну что там? Ты уже нашёл Миоко?

– Пока ещё нет. Ищу.

– Она лежит на второй полке снизу, посредине. Так говорила тогда цикада.

– Хорошо, хорошо. Я смотрю. Сиди смирно.

Сергей Николаевич прервал ненадолго свой рассказ, взял со стола бокал, глотнул остывшего чая и обратился к внучке:

– Как ты думаешь, Катя, смогла ли Марина усидеть у меня в кармане тихо и спокойно?

– Я думаю, что нет, – ответила с улыбкой девочка.

– Ну, конечно же! Она обязательно должна была помочь мне в поисках. Твоя шустрая кукла не смогла оставаться смирной в такой момент и выскочила из кармана наружу. А я как раз наклонился в это время вниз, чтобы получше разглядеть игрушки.

Катя тихо ахнула, прижав к щекам ладошки:

– И что, дед? Она упала?

– Ну, слушай дальше.

Да, Марина вывалилась из кармана наружу и шлёпнулась на каменный пол. Но она сразу же вскочила на ноги, потёрла ушибленную коленку и огляделась. А как раз в это время к нам подходили несколько покупателей с продавцом. Покупатели что-то спрашивали, продавщица отвечала им, показывая товары. Я растерялся – если у них на глазах я буду заталкивать себе в карман куклу, меня могут не правильно понять, и тогда у нас возникнут проблемы. Но Марина быстро (намного быстрее, чем я) сообразила, что нужно сделать – она тут же ловко спряталась под полкой с игрушками; так что теперь её не видели не только другие люди, но и я тоже. А это означало, что мне нужно было искать уже двух кукол.

Ну, что ты будешь с ними делать!

Впрочем, всё закончилось вполне благополучно. Покупатели отошли в сторону, а из-под нижней полки, вся в пыли, вылезла Марина. Куколка оправилась и отряхнула своё платьице, слегка помятое, и вдруг стала чихать; видимо, от этой самой пыли. Хорошо ещё, что голосок у неё был негромкий, так что со стороны слышалось вовсе не «апчхи-апчхи», а просто могло показаться, что шелестят страницы книги, которую кто-то листает.

Я наклонился, взял её на руки, и вдруг Марина радостно вскрикнула:

– Дед, смотри! Смотри! Вот она!

Я посмотрел по направлению тоненькой указующей ручки и действительно увидел на полке маленькую изящную куколку. Её чёрные глаза безотрывно смотрели на нас. Одетая она была в красивое клетчатое платьице; пышные чёрные, как вороново крыло, волосы были уложены в красивую причёску. Мне показалось тогда, что эта малышка внимательно за нами наблюдает.

Я наклонился к ней и тихо спросил:

– Ты – Миоко?

Интересно, что могли бы подумать люди, увидевшие пожилого мужчину, который пытается беседовать с куклой?

Игрушечная девочка чуть заметно кивнула мне в ответ и пошевелила своей ручонкой.

– Мы пришли за тобою. Ты хочешь пойти с нами?

Ну, и, конечно, из кармана тут же высунулась Марина:

– Миоко, пойдём! Тебе у нас будет очень хорошо. Моя хозяйка, Катя, никогда не обижает кукол. Нам очень хорошо у неё живётся. Я стану твоей подружкой, и скоро мы поплывём к Кате через море на корабле.

И тут маленькая японка улыбнулась и радостно закивала головой в знак согласия.

– Ты видишь, дед, она хочет к нам! Она согласна! Бери её скорее, и пойдём.

Я взял счастливую Миоко с полки; при этом я увидел, как лежавшие рядом чудовища защёлкали зубами и клешнями, пытаясь укусить или схватить девочку.

Она даже поджала в испуге свои ножки в лаковых туфельках. Затем я понадежнее укрыл в кармане Марину, направился к кассе и расплатился за покупку.

Через несколько минут все мы, радостные и довольные вышли из магазина. Совсем рядом со «Стоиенником» располагался большой парк, и я направился напрямик к нему. Там, среди деревьев можно было укрыться от посторонних глаз, в парке нам никто не помешает.

Я выбрал небольшую полянку в стороне, наклонился и осторожно посадил обеих кукол на ровно подстриженную травку:

– Ну, девочки, знакомьтесь!

Они вскопчили, взялись за руки, радостно и быстро заговорили о чём-то, чего я не смог понять, и даже пустились танцевать от радости.

А вечером в своей каюте я устроил вторую кровать для Миоко. Так куколки и проплавали со мною всю практику. Потом мы вернулись домой, и вот они, обе – перед тобою. Теперь я уже передаю заботы о них тебе. Не обижай их.

Катя взяла обеих куколок на руки, посмотрела на них внимательно, вздохнула глубоко и сказала с некоторым сожалением в голосе:

– Дед, но ведь всего этого не было? Ведь это – сказка? А я – уже большая.

Сергей Николаевич вынужден был признаться:

– Да, внученька, конечно, это – сказка. Просто мне хотелось, чтобы тебе было интересно.

– Жаль...

– Чего же тебе жаль?

– Жаль, что куклы не разговаривают, и вы с Мариной не выкупали из магазина Миоко.

– Э-э-э, Катенька, не всё так уж плохо. Миоко-то здесь, с нами. Вот – она, сидит в твоей ладонке и смотрит на тебя. Значит, мы её всё-таки выкупили.

Сергей Николаевич помолчал немного, задумавшись, потом сказал:

– Видишь ли, всё дело в том, что если мы умеем выдумывать сказочные истории, если у нас здесь и здесь – он коснулся головы и груди там, где сердце – живут добрые мысли, то куклы для нас с тобою вроде как умеют разговаривать. И вот тогда с нами и с ними будут происходить чудеса.

– Как будто, дед? Понарошку?

– Да, Катя, как будто. Понарошку. Но чудеса будут происходить. Обязательно. Только нам надо суметь их увидеть и услышать.

– И мы постараемся. Мы их представим себе. Да, дед?

– Постараемся, Катя. Постараемся.